

Николай Лелюк

**Земля —
Харриот: билет
в один конец**

Николай Лелюк

Земля – Харриот: билет в один конец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36079415

ISBN 9785449321107

Аннотация

Для человечества настало время искать в глубинах необъятного космоса новый дом. Земля на грани экологической катастрофы. Мировое сообщество озабочено вопросом колонизации потенциально пригодных для жизни планет. Межпланетные перелеты возможны, но скорости космических кораблей малы. Чтобы добраться до ближайших звездных систем понадобятся тысячи лет. Как человечество решит проблемы, встающие у них на пути к спасению человеческой расы, записано в этой книге.

Содержание

ГЛАВА 1. НЕ ДОБРОЕ УТРО	7
ГЛАВА 2. ПОСЛЕДНИЕ СБОРЫ...	19
ГЛАВА 3. ОТСТУПАТЬ НЕКУДА...	27
ГЛАВА 4. В ПОИСКАХ РЕАЛЬНОСТИ	32
ГЛАВА 5. ПРОБУЖДЕНИЕ	51
ГЛАВА 6. ДРУГОЙ МИР	57
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Земля – Харриот: билет в один конец

Николай Лелюк

© Николай Лелюк, 2018

ISBN 978-5-4493-2110-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ОТ АВТОРА

Здравствуй, дорогой читатель!

Благодарю Тебя за то, что делаешь возможным написанное здесь, в этой книге. Я считаю, что мысль есть некая форма материального бытия, пусть она и тонко организованная, но многогранная, глубокая и сильная субстанция. Я очень рад, что у Тебя нашлось время для прочтения этой истории, ведь именно благодаря читателю книга обретает новую жизнь в его воображении.

Однажды в моей голове родились мысленные образы, которые я записал. Хорошо ли, плохо у меня получилось – решать будет каждый прочитавший сам, сколько людей – столько мнений. Однако во многом реалистичность и красочность

записанной истории зависит теперь именно от вас – читающих.

Информация не может существовать без своего носителя, а книга – это одна из форм ее приблизительной передачи. Приблизительной потому, что значения слов и фраз разными людьми могут трактоваться по-разному. Автор лишь дает направления, выписывает некий информационный каркас, но значительную роль в деле оживления или, скорее, перерождения книги и ее нового осмысления играет воображение читателя. Ведь именно в его голове рождаются новые мысленные образы. Следовательно, все, что вы читаете – происходит на самом деле в тот самый миг, когда вы облачаете прочтенный текст в мыслеформы.

В этой книге речь пойдет о том, как люди сначала создали себе проблему уничтожения родной планеты, а затем решили спасти человечество путем колонизации далеких потенциально пригодных для жизни планет, которые находятся в зонах обитаемости сходных по составу и активности звездных систем. Но подробнее об этом – дальше.

Желаю приятного прочтения.

ГЛАВА I. НЕ ДОБРОЕ УТРО

«Какое все-таки восхитительно паршивое утро», – поспешил заметить я, лениво поднимая голову с подушки. Через грязное окно вдалеке виднелись старые закоптившиеся трубы завода города Че, ежедневно выпускавшего в атмосферу тонны мерзопакостных газов и токсинов, отравляющих всю окружающую действительность. Оттого окна постоянно были серые с грязевыми подтеками и редко открывались для проветривания крохотной комнатки, в которой я обитал, ибо проку в этом все равно никакого не было, ведь в комнате я находилась меньшую часть своей жизни.

Все свободное ото сна время уходило на основную работу, подработку разного рода и на встречи с друзьями и знакомыми, поэтому мое ночное обиталище не отличалось гостеприимством и образцово-показательной чистотой. Но изредка в мою душную, бедно обставленную комодом для белья, кроватью и табуретом комнатенку через всю эту испускаемую заводами пакость все же пробивались утренние солнечные лучи. Но сегодняшним утром солнце вообще похоже забыло, что стоит появиться на небе в этой унылой местности, а может, просто ушло на выходной или туда, где без лишнего труда его лучи могли бы ласкать песчаные пляжи, озерные глади, многочисленных представителей флоры и фауны... И вместо него на улице моросил мелкий грязный дождь, ко-

торый совместно с расстроеным небом довершал и без того мрачную картину моего не доброго утра.

Каждые новые сутки в городе Че, процветавшем в основном благодаря работе металлургического и химического производства, в самом его центре меня ожидало мое рабочее место, на площадке машинно-декорационного цеха местного «Камерного театра», где я имел честь служить машинистом сцены вот уже полтора года.

Помимо театра я не брезговал любой подработкой, будь то строительство и ремонт, работа грузчиком или дворником, поваром или барменом... Перед тем как устроиться в театр города Че, после девятого класса поселковой школы я уехал от своей многочисленной семьи в один из мегаполисов страны, там поступил в строительный техникум, окончил его, прошел срочную службу в армии, где приобрел специальность батальонного повара, вернувшись на гражданку, покатался по разным городам нашей необъятной родины, где приобретал навыки разных ремесел... а дальше – камерный театр города Че. Связь с семьей я поддерживал регулярно: навещал мать и отца, встречался с братьями, которых у меня было трое, и четырьмя сестрами. Все они были старше меня, и многие уже жили обособленно, но все унаследовали от родителей регулярную плодовитость, поэтому в доме отца и матери всегда был «детский сад», и «цветы жизни» продолжали приживаться и укореняться в этом саду. Поэтому я был счастлив обрести самостоятельную жизнь в большом

городе.

Естественно, в поселковой жизни есть свои плюсы, особенно если ты любишь с утра до вечера заниматься скотиной и огородом. Там я привык с детства к методичному труду и приобрел способность одновременно с этим уходить в размышлениях своих по тропинкам рассуждений, переплетающихся и уводящих в глубины самопознания. Данный навык не покинул меня и в других городах на разных работах. И театр города Че не стал исключением.

Последнее время я увлекался походами, охотой, новинками электроники и поэтому все свободные деньги тратил на разного рода снаряжение и гаджеты.

Постепенно в моей комнате появились двухместная палатка со спальным мешком, лесная спецодежда с обувью, самоспас, наручные часы на солнечных батареях со встроенным компасом и термометром. Стену украшали одноручный арбалет, ножи для метания и тесаки, топоры и кирки, а большую часть стены занимала географическая карта мира, размеченная флажками, где я уже побывал. Возле комода располагался походный рюкзак, укомплектованный для того, чтобы в любой момент можно было выбраться в дикую природу. В рюкзаке находились аптечка первой помощи, комплект армейского сухого пайка, подзорная труба с тридцатишестикратным увеличением, фонарь, работающий по принципу динамо-машины, динамо-зарядник для мобильных устройств и гаджетов, трос-пила, походная фля-

га, походный котелок, швейный набор, ремонтный скобяной набор, набор для эскизов... да, ко всему прочему я не прочь был иногда сделать набросок-другой какого-нибудь пейзажа. Хотя художник из меня был, скорее, любительского характера.

В детстве я любил рисовать планы и эскизы домов, автомобили и роботов, а будучи еще учеником девятого класса, даже поступил в художественную школу, где меня приняли сразу на второй курс, но проучился я там всего год, ведь по окончании девятого класса уехал поступать в строительный техникум.

Но вернемся к нашей серой реальности.

Я усилием воли отогнал прочь навалившуюся на меня хандру, поднялся с постели и первым делом отправился на кухню, чтобы поставить на огонь чайник. Пока вода в чайнике грелась, я сходил в туалет, почистил зубы, заправил кровать... в общем, сделал все то, что делал уже механически практически каждое утро. Затем я, наконец, выпил кружку чая и с заметным неудовольствием был вынужден выдвинуться по направлению к театру.

Обычно люди, идущие в театр, испытывают более позитивный спектр чувств, но окажись они на моем месте – энтузиазма от такого похода явно поубавилось бы, ведь меня ждали не моменты созерцания театрального действия, а монтаж декораций к спектаклю, затем ведение спектакля со всеми перестановками и манипуляциями, связанными с маши-

нерией театра, а поздним вечером – демонтаж. Хотя после установки декораций у меня обычно был большой перерыв, от трех до пяти часов, который я заполнял своими делами при условии, что в театре не было прочих дел, например: репетиций с перестановками, или оптимизации рабочего пространства на складе, или инвентаризации... Но эти утренние монтажные работы приносили мне еще меньше удовольствия, чем все выше перечисленное.

Сегодняшним утром по пути на работу меня то и дело подстерегали какие-то неприятности: то я спотыкался на ровном месте, то шнурок на моем ботинке вдруг неожиданно развязывался, то нетерпеливая птичка спешила испачкать мою кепку, или вдруг увесисто-жирная черная кошка, словно по волшебству, спешила легкой грациозной походкой перебежать мне дорогу. Не то чтобы я доверял суевериям, но кто его знает, что может случиться. Хотя все, что должно произойти, обязательно произойдет. Я пошел в обход того места. И все же, вляпавшись напоследок в какую-то липкую грязь, я пересек-таки порог двухэтажного краснокирпичного здания, украшенного башенкой с часами, имеющего на своем парадном фасаде надпись: «Камерный театр».

В предпремьерные дни, а сегодня был именно такой день, все служащие театра особенно раздражительны. Они не замечают вокруг себя любую вещь, не способную им помочь в их трудных делах или которой они не могут найти достойного применения для решения своих проблем.

Я прошел было мимо занятых своими делами сотрудников администрации, пробормотал себе под нос приветственные слова (нет, я не всегда так здоровался, просто сегодня всем было решительно наплевать, кто прошел мимо по коридору и что этот самый «кто» здесь собирается делать, однако приветственный ритуал пожелания здоровья всем присутствующим я обойти стороной не смог), но у последней двери админблока я традиционно остановился. Там, среди прочих канцелярских работников, я каждое утро наблюдал милостивую высокую девушку с голубыми глазами и короткой каштановой стрижкой, всегда приветливую и гостеприимную, занимавшуюся рекламой и менеджментом.

– Здравствуйте, Николай Борисович! – приветствовала она меня.

– Доброго здоровья, Лидия, – споткнулся я, – Евгеньевна!

– Не желаете ли испить кофе? – спросила она скорее из вежливости.

– Благодарю! Не смею вас задерживать! – ответил я, не желая обременять девушку своим присутствием.

Я знал многих, кто, располагая собственным временем, соглашался отнять его у этого доброго человека, а потому часто видел Лидию на работе поздним вечером, доделывающую накопившиеся за день дела.

Наконец я пришел в прокуренный машинно-декорационный цех, где меня уже ждал наш заведующий постановочной частью – низкорослый, коренастый, лысеющий мужичок Ба-

тян с сигаретой во рту. Мы молча обменялись рукопожатием. Грязный электрический чайник испускал струю манящего пара. Батян отхлебнул из почерневшей изнутри кружки глоток крепкого черного чая и сказал:

– Садись. Перекури. Через пять минут пойдем работать.

Ждать сегодня нам было больше некого, ведь в небольших театрах часто бывает так, что один человек занимает несколько должностей. Вот и Батян наш не был исключением, и помимо того, что являлся завпостом, был у себя в распоряжении машинистом сцены, а еще до кучи и водителем грузовой «газели», необходимой для транспортировки декораций в другие театры во время гастролей.

Выждав несколько мгновений в состоянии анабиоза для лучшей настройки на рабочий лад, я собирался было уже приступить к выполнению своих должностных обязанностей. Но не успел я толком сосредоточиться, как меня окатил резким радостным возгласом «Колька, привет!» единственный действительно живой человек во всем этом рассаднике уныния. Это оказался мой друг – артист театра Санька, паренек немногим за двадцать, росту в нем было метр семьдесят пять, коренастый, кудрявый и всегда непременно веселый. Он и в этот «последне-помпейский» день пребывал в добром расположении духа и сейчас смотрел на меня широко улыбающимися глазами и вдобавок ко всему скривил рот в радужной улыбке, коей он одаривал всякого хорошо знакомого ему человека. Сашка буквально выхватил меня из кресла

и сильно стиснул в дружеских объятьях.

– Друг мой Колька! – начал он, не переставая при этом улыбаться что есть мочи. – Ты помнишь, мы, размышляя о смысле жизни, вдруг пришли к выводу, что нам просто необходимо встряхнуться, развеяться, сделать что-нибудь безумное?

– Конечно помню, – согласно замотал головой я, не торопясь при этом покидать всеобщего угнетенного состояния и тем более выкидывать из головы важные мысли, касающиеся только завпоста, меня и установки декораций – нами же.

– Ну, так вот: бросай свои дела, собирай все необходимое и поехали!

– Постой! Куда поехали? У меня премьера! И у тебя, кстати, тоже, – поспешил ответить я, теряя в уме план установки декораций к спектаклю.

– Жду тебя на сцене, – бросил мне Батян, гася сигарету в одной из набитых бычками чашек, заменявших пепельницу.

– Я работаю в дубле. Пойдем! Дорогой все расскажу, – продолжил Санька, утаскивая меня прочь из монтажной.

Наконец, когда мы вышли на улицу, я сел на скамейку, а он встал прямо напротив меня, сделал еще более эпичный вид и выдал на одном дыхании: «Мы едем в далекое сказочное приключение, а точнее, к бескрайним морям, тропическим лесам и непролазным джунглям, и все это – автосто-

ПОМ».

Мысль эта была, конечно, безумней некуда: на носу премьерный спектакль, денег как не бывало, да и погода не располагала, не говоря уже о том, что из нашей страны к тропическим лесам и непролазным джунглям автостопом вообще попасть довольно проблематично... Однако в тот самый миг, когда Санька объявил мне о наших грандиозных планах, в небе на мгновение в аккурат над его головой вдруг показалось солнце. Оно было едва различимо в покрытом поганой изморосью небе, но все же лучилось над его головой, словно нимб. И тут меня невольно посетили мысли о том, что это сам господь всемогущий мне сейчас через Саньку поведал о паломничестве нашем. Конечно, совпадение это было или взаправду, меня уже не интересовало, иногда нужно бросить все и развеяться, чтобы стало ясно, что делать дальше. Тем более терять мне было нечего – семьей к своим двадцати трем годам я так и не обзавелся, а схоронив год назад мать, я сделался редким гостем у своего отца или у кого-либо из братьев и сестер. Я стал в некотором роде отшельником. А посему причин особо веских отказывать своему другу в этом безумии я не видел.

– А пойдем, уговорил! – ошарашил я его столь скорым согласием на авантюру подобного рода. – Только помогу Батяну сегодня с декорациями и позвоню одному товарищу, который ищет работу. Порекомендую его на свое место.

– Отлично! – ответил Сашка. – Встретимся у меня дома

через три часа.

С этими словами Санька так же внезапно исчез, как и появился. Солнце тут же выключилось, и небесное полотно вновь приняло размазано-серый вид.

Я вернулся к работе. Мы с Батяном довольно быстро закончили с установкой декораций, после чего я сообщил ему о своем намерении уйти и дал номер телефона потенциального монтера. Я давно чувствовал, что этот разговор вот-вот случится, ведь не скрывал, что ищу другую работу, так как мне не нравится то, что труду моему в этом месте соответствует несоразмерно малая заработная плата, а также невообразимо грубое отношение власть имущих по отношению к вверенному им служащему персоналу.

Я спустился в административный корпус, вошел в хорошо освещенный и дорого обставленный мебелью кабинет, где меня уже ждали директор театра в лице невысокой женщины лет пятидесяти, а также рослая властная и не скупая на грубости женщина лет шестидесяти, которая занимала пост главного режиссера театра. В подобных заведениях новости распространяются быстрее ветра. Ты еще только думаешь о чем-то в одной стороне театра, а в другой уже об этом говорят.

Начальницы приказали мне сесть, видимо, чтобы тем более доминировать над моей личностью, и, как две злые мачехи, завели очень неприятный разговор, пропитанный моралью и нотациями.

– Мы знаем, – начала главреж, – что ты собираешься от нас уйти! И хотим знать, куда?

Конечно, было глупо отчитываться перед ними, однако было бы еще глупее отмалчиваться. Поэтому я ответил, что собираюсь уехать в другой город. Дальше началось что-то в стиле: «Кому ты там нужен? Ты без нас пропадешь! Мы тебя приняли в свою театральную семью...» В общем, не сказали ничего жизнеутверждающего, а напротив, только деморализующее. Итогом всему этому оказалось написание мной заявления об уходе по собственному желанию. Уволился я за один день, взяв в счет двухнедельной отработки дни отпуска, которые еще не успел отгулять. Потратив на бюрократические дела еще добрых сорок минут, я наконец выбрался из театра и взял курс на улицу, где жил Саня.

Через пятнадцать минут недалеко от места назначения на встречу мне попался сам Саша.

– Где ты пропадал? – крикнул он, увидев меня издали. – Я уже решил идти тебе на выручку.

– Да я увольнялся из театра! – ответил я, не зная еще точно, радоваться мне этому событию или нет.

Санька ненадолго удивился, а потом разразился бодрящим смехом.

– Ну ты даешь! Молодец! Ну, это даже к лучшему, пойдём!

Мы бодро вышагивали по мостовой, обсуждая возможные маршруты и повороты событий. Театр остался где-то дале-

ко позади вместе с мыслями о моем увольнении с работы. Да и плевать, давно надо было что-то менять в своей жизни. Нас ожидал мир, полный приключений и незабываемых событий.

ГЛАВА 2. ПОСЛЕДНИЕ СБОРЫ...

Мы вскарабкались по узенькой извилистой лестнице вплоть до последнего пятого этажа и зачем-то постучали в массивную железную дверь (по-видимому, с той целью, чтобы возвестить всех живых в этой квартире, что мы пришли). Затем Санька достал свой собственный ключ и открыл входную дверь самостоятельно, не дожидаясь пока кто-нибудь отворит ее изнутри.

На пороге нас встретила Манька, девчужка небольшого роста, худенькая без потери стройности, с зелеными любопытными глазами и темными нагло длинными волосами. Они уже давно жили вместе с Санькой и собирались даже пожениться, да только времени дойти до загса и расписаться все не хватало: то она на работе, то он по уши в приключениях. В общем, так и жили они по-семейному, но без штампа в паспорте. Кроме них в квартире еще обитали кот и кошка, но они, по-видимому, хоть и зависели в кулинарном и бытовом плане от хозяев, себя к их ячейке общества не очень-то причисляли, ибо относили свои персоны к существам, стоящим на порядок выше по интеллектуальному развитию, коих должно оберегать и обслуживать глупым людишкам. В отличие от обрадовавшейся нашему пришествию Мани, чудные представители кошачьей фауны одарили нас не более чем презрительными взглядами, а кошка даже лениво зевнула,

чем еще более выказала свое пренебрежение к нам.

Маня, мило улыбнувшись, любезно предложила нам войти, сама не подозревая, что тем самым бросила вызов своим домашним питомцам. Мы с Сашкой, так же дружно наплевав на общественное кошачье мнение, переступили через порог квартиры и очутились в длинной прихожей.

Разувшись, наша дружная компания двинулась на кухню. Манька поставила кипятиться чайник, Санька стал копаться в невообразимо огромной коллекции чая, собранного, как он говорил, на лучших плантациях чайных домов Китая.

– Коль, ты какой чай будешь? – спросил он.

– Зеленый.

– А какой зеленый, у меня их много.

И после некоторого оглашения списка зеленых чаев, населявших шкафчик моего друга, мы все-таки остановились на молочном улуне – чае из цельного листа высших сортов, имеющего нежный, чуть сладковатый привкус и молочный аромат.

Через пару мгновений эластичная тонкая струйка горячей воды зажурчала подобно весеннему ручейку, пробудившемуся от зимней спячки, и маленькая кухня наполнилась прекрасным запахом свежего чая.

– Маня! – начал вдруг Санька, между делом разливая по чашкам чай. – Ты знаешь, мы с Колькой решили рвануть в путешествие – автостопом.

– Ты что, раньше ей ничего не сказал? – прошептал я

в недоумении, пока Маня пыталась оправиться от внезапно сковавшего ее в физическом и эмоциональном смысле столбняка. Похоже, в кошачьем лагере недовольных прибыло.

– А когда бы я ей сказал? – оправдательно отшептался мне Сашка. – Я только утром об этом подумал.

– Что, прямо сегодня? – растерянно произнесла Маша, немного пришедшая тем временем в себя.

– Нет, ну мы сначала посидим и все обдумаем, подготовимся, а потом уже и в путь-дорожку собираться, – попытался я выправить сложившееся положение.

Маня, хоть и привыкшая к подобного рода заявлениям, все же силилась до конца осознать услышанное и пыталась найти какой-то смысл во всем происходящем. Она сделала еще пару глотков и спросила:

– А я еду с вами?

– Нет! Ты остаешься, – отрезал Сашка. – Я не могу подвергать тебя таким испытаниям, ведь кто знает, какие опасности подстерегают нас на пути, не говоря уже о банальных гигиенических и бытовых условиях...

– Которые будут отнюдь не на высоте... – подхватил я, развивая Санькину мысль.

– Угу, – Сашка согласно закивал головой, сделав при этом удивительно заботливое выражение лица.

– А работа? У вас же премьера, вроде бы, – продолжала Маня.

– А и шут с ней, с работой! К тому же я работаю в дубле и взял отпуск за свой счет, – победно заявил Санька, отводя взгляд от прямого контакта с любимой. Маня перевела испытующий взгляд на меня.

– Работа не волк, в лес не убежит... – растерянно попытался я смягчить обстановку, – так говорят в таких ситуациях.

Не нужно быть экстрасенсом, чтобы угадать мысли Мани в тот момент.

– Но мы тебе обязательно привезем сувениров, – оправдывался Санька, – к тому же у тебя здесь кошки, они без тебя не смогут.

И все мгновенно взглянули на кошек, явно не разделявших мнение Сашки.

– Езжайте, что с вами делать, все равно ведь не одно, так другое придумаете.

– Ну, вот и славно! – подытожил Сашка.

Далее порешили, что Саньке в путешествие нужно прикупить немалое количество вещей. Палатка и один спальный мешок у меня уже были, оставалось прикупить спальный мешок для Саши и пару комплектов термобелья, а также подходящую обувь. Он наскоро собрал какие-то вещи в свой спортивный рюкзак, взял толстенный кошелек, набитый наличными деньгами и картами разных банков и магазинов, и внес предложение о необходимости приобретения вышеупомянутых вещей незамедлительно.

Несколько мгновений спустя, миновав длинную лестницу, мы с Санькой вышли на тенистую аллею, укрытую плотным куполом весенней листвы. Природа вокруг беспокоилась все больше, небо совсем потемнело. Дождь припустил сильнее, однако нас это вовсе не беспокоило, мы были слепо и глухо увлечены своей идеей, и казалось, что никто и ничто не сможет нас остановить. По дороге к магазинам с необходимым снаряжением то и дело заводился разговор о возможных приключениях, сопровождавшийся веселым смехом и необузданной радостью. Летя буквально вприпрыжку по полупустынным улочкам, изредка обгоняя или уворачиваясь от попадавшихся, несмотря на непогоду прохожих с искалеченными ветром зонтами, мы добрались до спортивного магазина в центре города.

Я с другом поспешил войти в торговый павильон, с нас ручьями стекала вода. Во взгляде молодой блондинки, стоявшей за прилавком, читались одновременно и жалость, и укор за принесенную нами грязь.

– Добрый день! – поспешили заверить мы продавщицу, толкаясь возле дверного проема.

– Здравствуйте! – ответила девушка, не ожидавшая посетителей в такую погоду. – Чем могу быть полезна?

– Вы знаете... – начал Саша.

– Нам нужны походные вещи: спальный мешок, термобелье и обувь для похода... – продолжил я.

– И что еще там может понадобиться? Но так как мы ров-

но ничего в этом деле не смыслим, надеемся на вашу помощь...

– И уповаем на ваше небезразличное участие в нашей дальнейшей судьбе, – поддержал я Сашин каламбур.

Продавщица внимательно изучила нас, затем подошла к одному из стеллажей и достала с верхней полки очень компактную сумочку. Диаметр она была сантиметров пятнадцать-двадцать, а в длину составляла не более полуметра.

– Вот отличный вариант: трехместная палатка весна-лето-осень немецкого производства с двойным дном и стенками, два входа, москитные сетки на окошках, и очень недорого. Последняя осталась, промышленники почти всю партию взяли. Спальных мешков у нас, к сожалению, не осталось. Термобелье и обувь попробуйте найти в том магазине, что напротив нашего.

Цена на палатку нас и правда приятно удивила.

– Берем! – радостно объявил Санька. – А дома разложим и посмотрим, какая она.

– Саша, но у меня уже есть палатка. Зачем нам две палатки?

– У тебя с двойным дном? – осведомился он.

– Нет.

– Или трехместная? – продолжал опрос Санька.

– А нас трое, что ли?

– Мало ли что может случиться. А в твоей палатке москитные сетки, может быть, есть?

– Есть.

– А у этой два входа! У каждого свой вход. А можно сделать так, что один вход – это вход, а другой вход – это выход! А?

– Ладно, берем.

– Вот так-то! Мы берем.

Оформив покупку и поблагодарив продавщицу, мы двинулись далее.

Следующий спортивный магазин действительно располагался прямо через дорогу. Нам не составило большого труда добраться до него, чтобы выбрать Саньке все то, за чем мы изначально пошли. Там мы купили все из нашего списка.

Довольные своими покупками, мы вышли на улицу. Небо слегка прояснилось, а ветер с дождем поутихли. В воздухе пахло озоном, что редко бывало в наших краях даже после хороших гроз. Вольно вздохнув, мы пошли в сторону дома.

Мы довольно быстро добрались до Сашкиной квартиры. На улице к тому времени уже палило солнце. Город постепенно окутывался туманной дымкой. Возле дома было принято решение выступить в поход завтра ранним утром, после чего мы разошлись по своим берлогам.

Вернувшись в свою комнатку, я повесил сушиться мокрые вещи. Окна в комнате оставил нараспашку, чтобы редкий гость, свежий воздух, вошел в мою пещеру, после чего принялся готовить ужин. Было желание перед длительным походом хорошенько поесть, поэтому я решил на плов.

Приготовление плова – весьма трудоемкий процесс, но если сделать все верно, то ожидание будет оправдано. Первым делом я сбегал в мясную лавку за охлажденной бараниной. После чего я начистил морковь и лук: морковь нарезал длинной соломкой, как всегда делает мой отец, а лук – кольцами. Затем отдельно спассеровал их с добавлением соли, перца и зиры (ее еще называют зэра, или зра). Поставив греться на огонь чугунный казан, я принялся нарезать баранину большими кусками. Вскоре масло в казане раскалилось. Можно было забрасывать мясо. Обжарив его до золотистой корочки, посолив и поперчив по своему вкусу, я решил добавить в свое кулинарное варево пару столовых ложек сухого красного столового вина и забросил поверх мяса лук, а поверх лука – морковь, засыпав все это рисом и залив водой, воткнув головку чеснока и убрав огонь до минимума, оставил томиться блюдо под крышкой с отверстием для выхода пара. В итоге два часа моих трудов окупились с лихвой. Я наелся досыта и стал отходить ко сну.

ГЛАВА 3. ОТСТУПАТЬ НЕКУДА...

Я проснулся ранним утром. В комнате было на редкость свежо, а на улице солнце грело на полную катушку.

Приведя себя в порядок, я оделся по-походному: камуфляжные штаны и китель с офицерским ремнем, на котором пристроил охотничий нож и тесак, надел берцы, закинул рюкзак на плечи, часы со встроенными компасом и термометром надел на правую руку поверх кителя, арбалет пристегнул на карабин вдоль правого бедра к самоспасу и двинулся в путь.

Я довольно быстро добрался до дома, где жил Санька. Мне было жарко, и я успел вспотеть, просохнуть и снова вспотеть, пока ждал Саню, который появился на крыльце через пять минут моего ожидания облаченный в шорты и футболку, на ногах легкие кроссовки, а за плечами неплотно набитый рюкзак с палаткой и спальником. Увидев меня, он расхохотался.

– Ты в лес собрался? И, судя по всему, вернуться не планируешь?

– Пойдем уже... – пробурчал я, немного завидуя безрассудству Саньки и сочувствуя своей излишней бдительности. – Мало ли что произойдет в пути.

– А арбалет-то тебе зачем? Тем более одноручный?

Оправдываться было бессмысленно. Действительно, что-

бы с такого арбалета подстрелить хоть какую-то мелкую дичь, нужно было подобраться к ней на расстояние до пятнадцати метров и бить точно. Но я все же взял его на всякий случай.

Санька помахал рукой на прощание Маньке, высунувшейся из окна, и мы двинулись в путь. Через полчаса пути мы добрались до окраины города и вышли на трассу. Солнце испепеляло окружающую действительность с такой интенсивностью, будто разом хотело отдать все то тепло, которого недоставало этому городу в зимние дни. Попытки поймать попутный транспорт не увенчались успехом. Санька мотивировал это тем, что я своим видом распугал всех водителей. Мы дошли до заправки с придорожным кафе, стоявшем в окружении тенистых нескольких деревьев, а во все стороны вокруг простиралась поля. Решили передохнуть и выпить кофе.

Одинокий продавец отпустил нам заказ, мы сели напротив, как нам показалось, затемненного окна. На дороге было подозрительно пусто, будто мы одни с Санькой затерялись в этом пригородном кафе, оторванные от всего остального человеческого мира. Даже машины не сновали взад и вперед. Мы быстро выпили свой кофе и двинулись дальше.

На улице заметно похолодало, так что мой спутник надел джинсы и кофту. Поднялся порывистый ветер. Солнце попросту в мгновение ока зашторилось свинцовыми тучами. Стало сумрачно. Мир как будто затаился, готовый наброситься на нас в самый неожиданный момент.

– Как бы не застал нас ураган с тобой, брат, – заметил я. Санька поморщил нос и дернулся от мгновенного озноба.

– Да ну, обычное дело – дождь собирается! – ответил он.

– Если поверх пласта более легкого теплого воздуха вдруг оказывается пласт более тяжелого холодного, то в результате того что они быстро начнут меняться местами, кое-где могут возникнуть турбулентности... Гляди! Вон там вдалеке чуть левее! – закричал я, тормоша друга за плечо.

Там, на горизонте, появилось нечто темное, быстро разливавшееся по всему небосводу. Ощущение было такое, что кто-то очень огромный пролил на серость небес чернильницу, и чернила быстро заливали все светлые участки полотна. Черное небо озарялось яркими вспышками молний, которые сопровождались громовыми раскатами. Чернота быстро приближалась к нам.

– Бежим обратно! – крикнул Санька. – Укроемся в кафе.

Мы рванули было в обратную сторону. С другой стороны дороги увидели аналогичную картину. Мелкая морось посыпалась с неба. Ветер порывисто гонял ее в разные стороны. А чернильные тучи тем временем подступали все ближе, быстро сужая кольцо слабого серого света над нами.

Мы добежали до заправки, дернули ручку входной двери, но она не поддавалась. Кафе оказалось уже закрытым. Мгновение спустя сильный ливень обрушился на нас, не давая рассмотреть ничего далее двадцати сантиметров вокруг себя. Мы прижались спинами к стене и плечами друг к другу. Из-

за дождя и порывов ветра трудно было разобрать слова. Капли дождя становились все крупнее и холоднее, они больно хлестали по лицу. Мы сели на корточки, держа над головами спальники и палатку, пытаясь хоть как-то противостоять разбушевавшейся стихии.

Вдруг среди всего этого погодного хаоса послышался звук громко ревущего мощного мотора. Свет ярких фар приближался со стороны города. К заправке подъехал трехместный автомобиль пикап с усиленным рамами корпусом и широкими колесами на гибкой подвеске. Из пикапа вышел человек и направился в нашу сторону. Он дернул ручку на двери заправки, но та не поддавалась.

– Чертова погода! – выругался высокий широкоплечий мужчина в спецовке механика.

– Закрыто... – мрачно поделился я. Незнакомец просканировал нас с ног до головы, глядя из-под темных очков, и сказал:

– Пойдем переждем в машине!

Мы не стали обсуждать предложение и с радостью заменили за водителем пикапа.

Вскоре мы разместились в кабине машины. При ярких вспышках мы смогли различить друг друга. На вид наш новый знакомый был достаточно суров. У него были темные короткие волосы, сильные натруженные руки и низкий, пропитанный угрюмостью голос.

– Никитон! – произнес водитель, протягивая нам свою

крепкую руку, полностью забитую татуировками.

– Николай! – ответил я, обмениваясь с ним рукопожатием.

– Саша, – отрекомендовался мой друг.

– Ждать бессмысленно, до следующей заправки дальше по трассе бензина хватит. Куда направляетесь? – спросил Никитон, заводя мотор.

– Да куда угодно, лишь бы подальше отсюда! – оживился Санька.

Град с дикой силой забарабанил по машине. Автомобиль с ревом вырвался на трассу, вышел из заноса и помчал вперед, рассекая стену дождевого потока, перемешанного с градом. Мы с Санькой рефлекторно пристегнулись.

Вдруг одна яркая вспышка ослепила меня, уши заложило от сильного взрыва, после чего последовал дикий гул в голове и звон, через которые, будто с сильными помехами, пробивались чьи-то голоса. Мгновенная боль пронзила все тело, встряхнув его в быстро пульсирующей вибрации, которая будто подбросила все тело куда-то в воздух. Но все это быстро сменилось чувством легкости, полета и полного блаженства. В ярком свете замелькало что-то цветное и радужное. Затем последовал сильный удар в грудь, будто падаешь с высоты на землю плашмя, попытка вдохнуть воздух через силу, затем искры в голове и затемнение. Я потерял сознание.

ГЛАВА 4. В ПОИСКАХ РЕАЛЬНОСТИ

Я пришел в сознание, вокруг меня предстала картина из белых обшарпанных стен и пожелтевшего от времени потолка. В голове звучат чьи-то неразборчивые диалоги, сопровождаемые то звоном, то какой-то классической музыкой, одновременно с этим меня не отпускает чувство опустошенности. Я будто ощущал всю комнату целиком.

Я слегка приподнялся на кровати, чтобы получше осмотреться. В крохотной комнатке из мебели была только белая тумбочка и такая же белоснежная кровать, где я спал, которая расположилась возле открытого на проветривание окна с видом на огромный парк. Отсюда могло показаться, что этаж по меньшей мере третий. Напротив окна находилась дверь, такая же белая, как и все то, что меня окружало. Куда вела эта дверь, для меня оставалось секретом, наверное, в какой-нибудь коридор, ведущий, в свою очередь, еще куда-нибудь.

Вдруг дверь распахнулась, и в комнату вошла высокая, хорошо сложенная темноволосая девушка лет двадцати, с голубыми глазами и доброй приветливой улыбкой. В руках она держала поднос, на котором расположилась тарелка с рисовой кашей, сваренной на молоке, хлеб со сливочным маслом,

нарезанный на маленькие брусочки, с сыром и компот из сухофруктов. Когда-то давно, в моем в детстве, отец нарезал мне подобным образом хлеб с маслом, выстраивая готовые кусочки друг за другом паровозиком. А каша напомнила мне о маминых завтраках – питательных кашах, приготовленных на молоке.

– Вам уже лучше, Алексей? – спросила она, не переставая мило улыбаться.

Я с огромным интересом стал рассматривать мою прекрасную гостью. Сквозь ее черты лица я узнавал ту сотрудницу театра, что работала специалистом по рекламе, всегда приветливая и гостеприимная, тихая и немногословная, готовая выслушать бред любого гостя, забредшего откусать чая в ее кабинете... Я не злоупотреблял ее добрым отношением к людям, ведь, как я уже писал, потратив время на гостей, она вынуждена была оставаться на работе допоздна, доканчивая служебные дела. Поэтому я и сам держался на расстоянии, хотя она мне была весьма симпатична, и другим советовал не отвлекать ее от работы.

Я смотрел на нее и сомневался: «Она это или просто похожая девушка». Время словно потеряло для меня смысл, я позабыл даже о шуме в голове, который сменился легким звоном в ушах. Перед глазами и вокруг меня все поплыло, будто кто-то стал раскручивать вокруг меня комнату. Дыхание стало стабильное, но будто нерегулируемое мной. Я явно почувствовал биение своего сердца, оно бешено стучало в гру-

ди и эхом отдавалось в голове с каким-то стальным отзвуком. Через мгновение я уже едва мог различить сквозь обволакивающую меня белую пелену очертания девушки. Обрывки фраз еще доносились до моего помутневшего сознания, но понять их смысл не представлялось возможным.

Вдруг голова перестала гудеть, пульс нормализовался, дыхание выровнялось, а перед глазами возникли четкие, слегка тревожные, но столь же прекрасные черты лица незнакомки. Она сидела рядом на краешке кровати, поправляла подушку и тихонько что-то приговаривала.

Мне вдруг очень захотелось узнать, как зовут прелестное создание, ухаживавшее за мной.

– Как вас зовут? – спросил я у нее.

– Лида, – тихо ответила она, слегка опустив глаза, но тотчас же подняв их снова, улыбнулась.

«Ну точно, девушку из театра тоже зовут Лидия! Может, это все же она? Но что она здесь делает? И главное: где, здесь?»

– А где мы? – не заставил я долго ждать собеседницу нового вопроса.

– Вы в больнице, – послышался спокойный голос девушки.

– И что со мной случилось? – продолжал я осыпать вопросами Лидию.

– У вас тяжелое сотрясение мозга, амнезия – потеря памяти, травма получена в результате дорожной катастрофы, –

она аккуратно прикрыла меня одеялом и встала, видимо, собравшись уходить. – У меня еще много пациентов, – подытожила она, направляясь к дверному проему.

Я смотрел, как ее стройный силуэт исчезает за белоснежной дверью. Совсем расфокусированный мысленно от последней информации, я сидел на кровати, какое-то время пытаюсь выстроить логические цепочки последних событий у себя в голове. «Я... Меня зовут... Лидия назвала меня Алексей, но меня так называли на одной работе некоторые сотрудники только потому, что я пришел, заменив некоего Алексея, и они по инерции называли меня его именем, а я не упорствовал, переубеждая их в этом вопросе. Но как меня зовут на самом деле? Санька? Нет, это мой друг, и мы с ним отправились в путешествие и попали в непогоду... а затем нас подобрал... механик Никитон... что-то начинает вырисовываться, затем вспышка, удар, и вот я здесь...»

На тумбочке стоял мой остывший завтрак. Я аккуратно склонился над тарелкой и принялся методично ковырять в ней ложкой. Сам не заметив, как, я впал в глубокую задумчивость, каша казалась нескончаемой, время потеряло границы. Внезапно меня посетило странное чувство, будто что-то постукивает под ногами и меня слегка покачивает из стороны в сторону.

Ощущения не были похожи на те, что посещали меня сравнительно недавно. Я оторвал взгляд от тарелки и увидел, что еду в первом классе купе, сиденья здесь были обтянуты

красным бархатом, а стены, пол, потолок и некоторые элементы декора выполнены из красного дерева. За окном проносились деревья и кусты вперемешку с железнодорожными столбами.

Дверь в купе распахнулась.

– Оплатите заказ! – раздался голос проводницы.

Я моментально перевел взгляд в ее сторону и увидел перед собой Лиду, одетую в костюм проводницы. Только голос ее был теперь холодным и четким, лицо – строгим, а глаза буквально впивались в меня, ожидая хоть малейшей моей реакции на ее присутствие.

– Что? – переспросил я.

– Оплатите палатку, что вы с другом у меня купили, – ответила барышня.

Я повернул голову в другую сторону и увидел Саньку.

– А зачем нам еще одна палатка? – спросил я у него.

– Что опять? – раздраженно ответил Саня.

Вспомнив, что подобный спор уже был, я пошарил в кармане брюк, достал оттуда пяти тысячную бумажку и протянул ей.

– А помельче не найдется? – жестким голосом заявила Лидия.

Я стал тщательней шарить в карманах брюк и вскоре начал вытаскивать оттуда по очереди охотничий нож, часы, арбалет, сухпай, аптечку первой помощи... среди прочего ненужного хлама я все же нашел нужную сумму. «Удиви-

тельно, как много может поместиться в карманах классических брюк, – подумал я, – и не нужно таскать за спиной тяжеленный рюкзак, кажется, зря я раньше недооценивал практичность костюма».

– Лида, – окликнул я проводницу, которая принялась поправлять прическу, глядя в маленькое зеркало.

– Ну что еще, – нервно отозвалась девушка. Я протянул ей деньги, – сдачу сейчас принесу.

– Нет-нет, там без сдачи, знаете, мне почудилось или, может, приснилось, что я болен и лежу в палате, а вы моя медсестра и ухаживаете за мной...

– Слышь, ты! Алкоголик! – огрызнулась вдруг Лидия. – Свои сексуальные фантазии оставь при себе, а вот насчет болен – ты точно заметил!

Девушка вышла, захлопнув за собой дверь купе. Находясь в полном замешательстве, я стал шарить глазами по купе. «Как я сюда попал, куда направляюсь, и почему это Лида назвала меня больным алкоголиком, я что, пил, что ли? Я ведь вообще непьющий... или пьющий?» Вдруг мой взгляд остановился на Саньке. «Может, он подскажет мне, чем мы были заняты последние несколько часов».

– Мы едем? – спросил я, Санька утвердительно мотнул головой. – А куда?

– Куда-куда? – прохрипел Саня. – Куда надо, туда и едем. У тебя в билете должно быть написано.

Я обшарил все карманы, но билета не нашел.

– Я, кажется, потерял его, – отозвался я после минутной паузы.

– А я что, тебе новый распечатаю, что ли? На свадьбу вроде мы едем, вот мы и выпили вчера с тобой по такому случаю.

– На чью свадьбу? – совсем растерялся я.

Тут Санька захохотал во все свое охрипшее горло.

– Ну не на мою же! На твою, конечно.

«Вот так номер, мало того, что я еду неизвестно куда, так еще и женюсь втайне от себя».

Я присел на диван и, уставившись в окно, стал пытаться вспомнить хоть что-нибудь, связанное с происходящим. Но в голове носились лишь размытые обломки неясных воспоминаний. Может, я сплю, и на самом деле, правда, лежу в больнице.

Через какое-то время мне стало казаться, что из этих обломков начинает что-то вырисовываться: дом, сад, отец и мать, братья с сестрами, толпа людей, свидетели, алтарь, невеста, священник... «Линда, Лина... Как же ее звали? Имя начинается на Ли... Лида! Я женюсь на Лидии! Стоп! Я ведь только еду на свадьбу, я не могу все это помнить, этого никогда не было... А что тогда было? Кто я, и что со мной произошло?»

Я впал в состояние полной отрешенности, абсолютной задумчивости. Уже исчезли стук колес, в дымке воспоминаний растворилось купе, и прекратилось беспрестанное покачивание из стороны в сторону. Бессмысленный взгляд мой

был устремлен в окно, где в холодном пейзаже застыл старый парк, откуда доносилось пение птиц.

Я очнулся от глубокой задумчивости. Меня вновь окружали белые стены больничной палаты. Я сидел на подоконнике в ночной рубашке и кальсонах. На тумбочке стоял по-прежнему нетронутый завтрак.

«Я снова в больнице! Если я спал, то почему на подоконнике? Может, я хожу во сне? И почему нет явного порога засыпания и просыпания? Не заметить, как уснул, я еще могу, но не заметить, как проснулся... А может, на меня так действуют лекарства?»

Мои раздумья были прерваны скрипом входной двери. На пороге появился среднего роста седобородый мужчина в оптических очках с затемненными линзами, в сером костюме с накинутым на плечи белым халатом. Весь образ вошедшего очень напомнил мне моего отца, я даже чуть не спросил: «Привет, отец. Как дела?» Но гость меня опередил.

– Добрый день. Как вы себя чувствуете? – спросил внезапный посетитель.

– Здравствуйте... – меня опять посетили сомнения, как в случае с Лидией. – Я видел сон, то есть я не совсем уверен, что это был именно сон... или что он не продолжается...

– Что вы видели во сне? Расскажите поподробнее, – мужчина приготовился записывать карандашом в блокнот.

– Как это поможет мне? Я не понимаю, что у меня вообще

в голове происходит! – был мой ответ.

– Все мы воспринимаем окружающий мир по-разному, – начал седобородый врач. – Это зависит от способности мозга получать и перерабатывать сигналы и нервные импульсы, посылаемые от органов чувств по нервным окончаниям к отделу мозга, анализирующему всю эту информацию и распределяющему по разным отделам памяти. Эту способность я называю восприятием. В человеческом мозге огромное количество отделов, и у каждого отдела свои функции и задачи. Таламус является своего рода входным каналом всей сенсорной информации, поступающей из внешнего мира, он же управляет вниманием. Миндалевидное тело – это эмоциональный центр мозга – отвечает за реакцию борьбы или бегства. Благодаря теменной доле коры головного мозга, мы можем ориентироваться в пространстве, так же она участвует в создании некоторых психических образов. Фронтальная часть поясной извилины содержит самоидентификационную информацию – это центр самосознания человека. Гипокамп играет важнейшую роль в формировании памяти. Первичная зрительная кора головного мозга отвечает за принятие сигналов от сетчатки глаза в период бодрствования. Префронтальная кора ответственна за логическое мышление, постановку целей и задач. Двигательная зона коры головного мозга переводит намерения в реальные действия. Ассоциативная зона коры связывает информацию, поступившую извне с памятью, с целью создания мыслеформенных

образов, которые мы ощущаем, когда спим и бодрствуем. От одних отделов мозга зависит, какое действие последует в следующий момент времени. От других – анализ ситуаций. От третьих – принятие решения. И так далее. Во сне мы видим образы, сложившиеся из событий, произошедших в прошлом, из переживаний и даже потаенных желаний и фантазий, а все это может пролить свет на вашу прежнюю жизнь.

Ошарашенный столь детальным ответом, я стал рассказывать доктору свои видения. Когда я закончил, доктор спросил:

– И более вы ничего не помните?

Я отрицательно мотнул головой. Гость закрыл блокнот, встал и последовал к выходу.

– Прошу, пройдемте за мной! – сказал он.

Я незамедлительно выполнил его требование. Мы прошли через длинный темный коридор и в конце его вошли в кабинет.

Седобород произвел первичный осмотр, сделал несколько манипуляций, выявляющих отсутствие зрительного восприятия у пациента, и подытожил:

– Вы ничего не видите! Вы просто не можете видеть что-либо!

– Но я же вас вижу! – настороженно ответил я. – Вижу вас столь же отчетливо, как и каждую деталь в вашем кабинете. Я даже вижу, что на кактусе, на том, что у окна сохнет от жажды, зияют недавно затянувшиеся раны от укусов ка-

кого-то зверя!.. А, точно! Кошка! У вас ведь есть кошка?

– Нет! Вы не видите никаких следов на кактусе! – задумчиво произнес доктор. – Вы просто не можете их видеть! Из-за занавесок видны только очертания кактуса, но не следы на нем! К тому же кактус развернут ущербной стороной к окну.

– Но они там есть, и я их вижу ну или чувствую. Я еще не привык к этому странному мироощущению. Так у вас есть кошка?

– Да... Но вы не следите за молоточком!

– Нет. Не слежу.

– Ага! Вот!..

– Но я ощущаю, как вы водите им из стороны в сторону перед моим носом.

– Но вы не следите за ним глазами!..

– А зачем мне следить за ним глазами, я и так распознаю любые морфологические изменения среды вокруг себя.

– В этом тесте заключается суть проверки вашей реакции, а также взаимодействия вашего зрительного восприятия с окружающей средой.

– Какой теперь в этом смысл?

– Как какой? Вы же должны видеть глазами!

– Как? Разве глаза не даны человеку для красоты, – пошутил я. – Как огненно-пышный воротник у Саламандры, которым самец привлекает внимание самки.

Повисла неловкая пауза, доктор выпучил на меня свои

глаза.

– Вот сейчас вы явно используете свои глаза как средство невербального общения. Я понимаю – глаза могут выражать некоторое эмоциональное состояние человека – это своеобразный язык общения и самовыражения без слов... как жестикация.

Доктор откинулся на спинку кресла, явно что-то для себя определяя. Через минуту он встал, подошел к окну и отогнул тюль, впуская в комнату солнечный свет. Док взял с подоконника кактус и вернулся за стол.

– Жена притащила домой котенка.

– Кошку! – поправил я.

– Да, кошку... И эта кошка привязалась ко мне, как к родному. Она приходила ко мне по ночам, ластилась, мешала спать. Днем не отходила от меня ни на шаг и все время крутилась под ногами. Все бы ничего, если бы не кактус. Она стала грызть мой любимый кактус. Я рощу его много лет, ухаживаю за ним...

– Ну вот. Вы сами все сказали. Это ревность.

– Ревность? – удивился седобород.

– Да! Вы говорите о кактусе с такой любовью, как говорили бы о родном ребенке, а кошка – нежелательный элемент в вашей жизни – подкидыш. Она чувствует себя обделенной вашей любовью. Попробуйте с ней поговорить, поухаживать за ней.

– Все! Довольно! – сказал Док. – Ваши друзья беспоко-

ятыся о вашем здоровье, и поэтому вы здесь, в лучшем научно-исследовательском институте нейрофизиологии и кибернетики страны.

– А что со мной произошло? – спросил я доктора.

– Вы попали в автокатастрофу. Вместе с друзьями, которые вас и привезли сюда. Вы выехали в непогоду на трассу, и там вас застал врасплох ураган. Только друзья ваши целы и невредимы, а вы пролежали в реанимации две недели. У вас наблюдаются улучшения, однако я заметил, что проблема гораздо более серьезная, нежели считают ваши друзья, – у вас изменилось мироощущение.

– И в чем же моя проблема?

– Пока рано делать поспешные выводы, нужно провести полное обследование, но на это понадобится время и, конечно, ваше согласие.

– Мое согласие?

– Да.

– Согласие на что? На лечение? – уточнил я.

– На обследование... исходя из результатов которого мы сможем назначить необходимое лечение... если оно требуется.

– Какую научную ценность я могу представлять для вас и института?

– Об этом речи не идет, речь идет о вашем здоровье.

– Когда речь идет о здоровье, обращаются к врачам в больницах и клиниках, а не к профессорам в научно-исследова-

тельских институтах.

– Так делают те, кто, не пытаясь разобраться в причинах болезненных расстройств, стараются залечить их следствия.

– Хорошо, я согласен на ваше обследование, – сказал я после минутного размышления. – Где подписать?

– Вот здесь, – нараспев отозвался доктор, протянув мне ворох бумаг и авторучку. – Ну вот и хорошо, теперь мы можем пойти и взять у вас все необходимые для исследования анализы, сделать МРТ и еще кое-какие процедуры. Прошу проследовать за мной.

После недолгого блуждания по коридорам НИИ, мы наконец попали в большую лабораторию, сверху до низу уставленную дорогим оборудованием. Здесь мне сделали МРТ и провели пару тестов на логику, внимание и нестандартный подход к решению простых задач, облепив при этом меня с ног до головы всевозможными датчиками. После освобождения от этого проводного плена мы вернулись в кабинет доктора. За окном стало темнеть. Доктор сел в свое кресло, предложил сесть мне напротив, после чего включил звукозаписывающее устройство.

– Если вы не против, я буду фиксировать все наши беседы на диктофон, – уточнил доктор, – это может помочь в исследовании не упустить суть.

– Не против, – ответил я.

– Алексей! Вас ведь так зовут? Расскажите, пожалуйста, о себе, – начал док.

– Это не мое имя! – ответил я. – Алексеем меня часто называли на одной работе, так как я пришел на место некого Алексея и многие сотрудники продолжали меня звать его именем... но это не мое имя! Разве друзья, которые привезли меня сюда, не сообщили вам мое настоящее имя? Или у них тоже амнезия, как и у меня?

– Нет. Я уверен, мы все с вами сможем объяснить, если успокоимся.

– Объяснить? А может, нет никакого НИИ, нет палаты, нет сестры и вас тоже нет?

– Как это нет, когда я здесь?

– Вы часть моего сознания, сгенерированного мною же. Ваше сходство с моим отцом, а Лидии с Лидией?! Этим объясняется то, что я вижу мир перед собой не глазами, а воспринимаю его вокруг себя целиком, а также отсутствие порогов засыпания и просыпания. Я нахожусь в собственном воображении – во сне, если хотите.

– То есть как это вокруг себя? И что значит, в вашем сне? Я же не могу быть в вашем сне. Я ведь себя ощущаю. Мыслию, следовательно, живу! Должны быть другие объяснения происходящих аномалий в вашей голове, – возмутился седобород. – Что вы видите конкретно?

Я не стал спорить, может, доктору, правда, виднее.

– Ну, я ощущаю весь ваш кабинет в целом: передо мной вы за большим письменным столом, позади вас книжный шкаф, справа окно, за мной дверь...

– Но вы не видите дверь, пока не повернетесь к ней лицом. Вы просто знаете, что она находится сзади вас.

– Я знаю, потому что ощущаю. Зачем мне поворачиваться к ней лицом, если я чувствую все, что окружает меня, и мне остается только сосредоточить свое внимание в определенном направлении и больше ничего.

– Этого не может быть! – почти воскликнул доктор.

– Как не может, ведь это есть.

Доктор сидел в своем кресле, всем своим видом выражая недоумение. Казалось, он чем-то заинтригован... но чем?

Вдруг внимание мое привлекла вошедшая в кабинет девушка, ассистентка доктора.

– Стоять! – громко вскрикнул доктор, вскочив со своего места и вскинув руки в сторону своей помощницы, затем быстро переключился на меня. – Не двигайтесь! Опишите человека, стоящего за вашей спиной, – обратился он ко мне.

Я сконцентрировал свое внимание на девушке, которая застыла за моей спиной в немом оцепенении.

– Девушка в светлом халате, – начал я, – с пачкой бумаг в руках... Тонкими пальчиками она теревит уголки листов, будто что-то ее беспокоит... («А если бы она облизнула свои пухлые губки, – подумал я, – то, пожалуй, свет заиграл бы на них мягкой геометрией бликов»). – Милая улыбка, аккуратный носик, – продолжил я описание девушки, – длинные темные волосы виднеются под колпаком («Интересно увидеть, как бы они спустились ей на плечи»).), великолепного

телосложения, – я почти перешел на заговорщический шепот, – с великолепной грудью и бедрами... и, конечно, глаза – большие выразительные глаза...

– Это невероятно! Это похоже на волшебство! – он подошел к своей ассистентке и взял у нее кипу бумаг, стал перебирать ее и всматриваться в отдельные листы. – Это подтверждает мою догадку! – добавил он, вчитываясь в бумаги.

– Какую догадку? – поспешил осведомиться я.

– Вы обладаете уникальным даром. Вы видите за счет того, что посылаете в окружающую среду электромагнитные импульсы и, воспринимая отражающиеся от предметов волны, видите всю панораму мира вокруг себя.

Он сел в кресло, принимая победную позу, лицо его обезобразилось дурацкой кривой улыбкой.

– Нам нужно провести много экспериментов! Здесь пахнет грантом!

– А я еще могу отказаться? – неуверенно запротестовал я.

– Нет, мой дорогой! Я не могу потерять такой шанс!

– Какой шанс?

– Вы уникальный человек, если я не ухвачусь за вас, то за вас ухватится кто-нибудь другой. Они найдут вас и будут проводить свои злосчастные опыты! Зачем вам эти страдания? Они загубят вашу жизнь, заберут мою славу себе. Вы прославите какого-нибудь недоучку, став замученной подопытной крысой, а я так и буду влачить свое бесперспективное существование с минимальным окладом старшего науч-

ного сотрудника нашего НИИ до самой пенсии. Вас проведут по всем телеканалам и радиостанциям как необыкновенный феномен, но только ради наживы за ваш счет, вы вспыхнете яркой звездой на небосводе серых масс людей лишь на мгновение, но очень быстро погаснете для всех... люди быстро сменяют вектор своих интересов... А я не получу грант на перспективные исследования в области изучения мозговой активности человека, не стану лауреатом Нобелевской премии! Меня выбросят как старый сношенный башмак на грошовую пенсию.

– А вы уверены, что это не вы видите мир не как все? – с опаской заговорил я.

– Нет! Я вижу нормально, а вы уникальны.

– А как быть с тем, что все окружающее, скорее всего, плод моего воображения, и в любой момент я могу изменить ход событий, передвинуть любую стену, удалить любого персонажа? – спросил я.

– Но ведь мы в некотором роде тоже элементы вашего сознания и для чего-то нужны.

Вдруг я стал слышать громкие гулкие звуки. Чьи-то голоса проникали в кабинет извне, и яркие вспышки света, обрамляющие нескольких человек в бело-синих халатах с вмп на лице и хирургическими шапочками на голове, подобно молниям, возникали у меня в сознании, на долю секунды вытесняя кабинет.

– Что происходит? – произнес напоследок доктор.

– Я возвращаюсь! – ответил я.

– Реакция зрачков на свет хорошая... – проникло в мое сознание извне.

– Давление стабилизировалось, аппарат искусственного кровообращения и дыхания работает нормально, – продолжала поступать в мой мозг аудиоинформация.

В голове потемнело, звуки ушли, я будто застыл в пространстве и времени недвижим и неощутим.

ГЛАВА 5. ПРОБУЖДЕНИЕ

Мои глаза медленно открылись, впуская в себя холодный тусклый свет. До меня донесся шум гудящих вокруг приборов. Перед собой я видел лишь серый бетонный сводчатый потолок с длинными лампами дневного света. Неподалеку, в помещении, видимо, стояли два человека – их мужские голоса доносились до моего слуха.

– Все системы жизнеобеспечения работают без сбоев. Последние семь экспериментов на крысах дали положительные результаты. У нас есть уникальная возможность опробовать препарат и произвести операцию на человеке.

– Нельзя! У нас нет на это согласия родных, а сам он не приходит в себя уже две недели. Будем ждать.

– Но обследование мозга показало отсутствие дефектов. Все функции организма доведены до нормы. Если ждать его смерти, чтобы потом оживить мозг в научных целях, то это может негативно сказаться на качестве эксперимента.

– Но если мы хотим получить финансирование на наши дальнейшие исследования, нужно хотя бы попытаться сделать все законным путем.

Меня не покидала мысль о том, что их разговор касается меня, и счел нужным привлечь к себе внимание. Из рта у меня торчала какая-то трубка, и говорить я не мог, поэтому попытался пошевелить руками, которые, как оказалось,

были привязаны к каталке. Но пальцы были свободны, и я медленно постучал ими по краю своего ложа.

Эти двое не сразу заметили мои манипуляции, однако мое упорство все же было вознаграждено. Когда один из них пошел проверить показания приборов, он увидел мои попытки привлечь их внимание. Он подошел ко мне и подозвал второго.

– Если слышите и понимаете нас, моргните два раза, – сказал один.

Я моргнул два раза.

– Я доктор Беляев, а со мной нейрокибернетик Максимов. Вы находитесь в НИИ кибернетики и нейрофизиологии, вас привез сюда две недели назад ваш друг, кстати, сотрудник нашего института, с ним все в порядке. Вы попали в автокатастрофу.

– Мы можем вынуть трубку, чтобы вы могли говорить, – предложил доктор Беляев.

Мне оставалось только моргать.

– Сделайте глубокий вдох и на счет три выдыхайте. Хорошо?

Мырг, мырг.

– Один, два, три.

Противная трубка покинула мое тело.

– Вы помните, как вас зовут?

– Николай! – почти торжественно, насколько позволяли силы, отозвался я. Ко мне вдруг в одно мгновение вернулась

память. – Вам нужно было мое согласие... на что?

– Это длительный проект... – начал кибернетик Максимов.

– Но в конечном итоге, если все пройдет успешно, вы обратитесь в киборга, – оборвал профессор Беляев.

– Подробности, – прошептал я.

– Вас привезли с травмами, – сказал первый, – мягко говоря, не совместимыми с жизнью. Сердце и левое легкое пронизывал осколок сломанного от удара тяжелым предметом в грудную клетку ребра, другие ребра тоже изрядно покрошило. Вам повезло, что ваша кровь обладает свойством повышенной свертываемости, это позволило не истечь кровью до оказания квалифицированной помощи. Наши специалисты сделали все возможное, чтобы вернуть вас к жизни. Теперь в вашем распоряжении новейшее бионическое сердце и искусственное киберлегкое, которые пока работают от внешнего источника энергии. Но со временем мы это исправим и встроим в ваш организм дублируемый аккумулятор. На случай неисправности одного будет работать другой. Вы сможете заряжать их благодаря специальному зарядному устройству с адаптером от электрической сети у себя дома. Все это позволит вам прожить еще около пяти лет, хотя если повезет и не будет перебоев с питанием приборов, не пойдет отторжение тканей, а вы будете соблюдать назначенный режим питания и нагрузки, то можете продержаться лет семь.

– Но мы предлагаем другой путь! – произнес второй.

– Какой? – спросил я.

– Если вы дадите согласие на постепенную поэтапную кибернизацию вашего мозга без потери основных данных.

– Как это?

– Вы будете по-прежнему ощущать себя как и раньше, но только ваш мозг постепенно станет искусственным.

– Как это возможно?

– Первый этап предполагает введение в кровь специальных химических веществ, которые, проникая в клетки мозга, встраиваются в их структуру, делая ее более прочной. Постепенно эти симбиотические элементы клетки начинают считывать информацию о той клетке, в которую встроились, и выполнять функции замещаемых естественных элементов. Эти элементы приживаются к живым тканям мозга, становятся их неотъемлемой частью. Со временем в каждую клетку встраивается все больше таких элементов, которые начинают действовать по образу и подобию тех частиц живой клетки, которые они заменили. Вскоре, спустя примерно полгода, около трети клеток всего мозга будет полностью состоять из укрепленных этими искусственными микроэлементами клеток, но функции этих клеток останутся прежними. Мы будем отслеживать весь процесс. Здесь главное, чтобы в организме не началось отторжение внедренных частиц, но это регулируется специальными препаратами. Второй этап включает упрочнение связей и постепенную замену нейромодуляторов на искусственные. Через два года все

клетки мозга заменятся на искусственные с упрочненными связями и работающими на электроэнергии. Такой мозг поместят в бионическое тело, в котором установлены все необходимые модули чувств восприятия с высокотехнологичными сенсорными окончаниями. Это необходимо для того, чтобы вы не утратили возможность чувствовать себя человеком. Вы сможете видеть, двигаться и слышать даже лучше прежнего, сможете есть, если пожелаете, и ощущать вкус и запах, хотя при желании эти функции можно будет отключить. Преимуществом такого тела является то, что вы сможете жить почти вечно, точнее, до первого происшествия: например, гибель планеты или механические повреждения самого мозга. Если питание отключится от такого мозга, то информация с него никуда не исчезнет, и вам останется только дождаться спасительной подачи питания. Если какая-то деталь кибертела выйдет из строя, вы сможете ее заменить, в большинстве случаев даже самостоятельно. Через два года вы проснетесь и будете чувствовать себя как заново родившимся в своем новом роботизированном теле. Это даст необыкновенные возможности в вопросе изучения дальнего космоса. Ведь наше органическое тело не сможет вынести и миллионной доли того, что сможет ваше новое тело. В нем будут встроены несколько фотонных генераторов, термогенераторов, а также несколько фрикционных, которые заряжают встроенные аккумуляторы. Быстро зарядить аккумуляторы кибертела вы сможете благодаря зарядному модулю

и функции киберсна, подключившись к разъему в средней области шейного либо поясничного отдела (зависит от модели кибертела).

– Последние эксперименты на животных дали обнадеживающие результаты, – подбодрил меня доктор Беляев.

– Где подписать? – спросил я.

Мне быстро подсунули ручку и бумагу. Направили руку в те места, где я должен был подписать, после чего принялись перечитывать все условия контракта.

Но я уже их не слушал, а просто погрузился в свои воспоминания и думы. Сейчас я лежал в новом для меня месте среди неизвестных мне людей и зависел от того, не отключится ли подача электроэнергии на мои киберпротезы.

Я думал о том, как там Санька, где он на самом деле, хотя, судя по тому, что я здесь, он все же выжил... хотя был еще третий. Потом мои думы плавно переключились на моих родных, ведь подписав контракт, я гарантированно отрезал их от себя еще как минимум на два года... и сколько всего произойдет за эти два года. «Сперва меня хватят, будут разыскивать, затем постепенно начнут привыкать к той мысли, что меня уже не найдут, и медленно будут терять надежду на то, что я еще жив. Но я же найдусь, я же вернусь... Как только выйду отсюда – сразу навещу отца».

Введенное в вену лекарство заставило меня заснуть.

ГЛАВА 6. ДРУГОЙ МИР

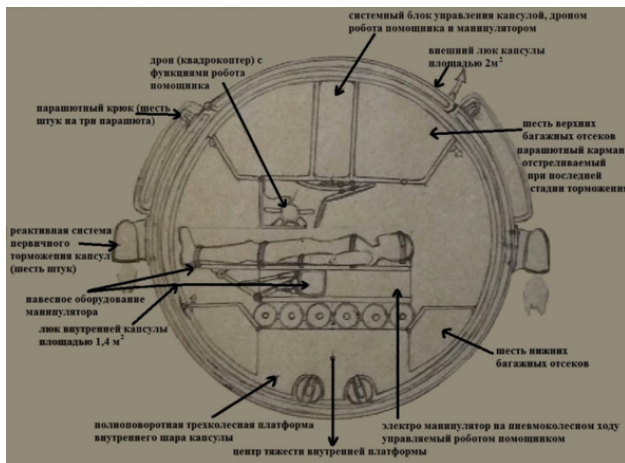
Я проснулся от того, что неустанно палящее солнце облизывало мое лицо. Еще не открыв глаза, я почувствовал, как легко дышится здесь. Воздух был так свеж и будто пропитан тем озоновым ароматом, что бывает после живительного дождя. Я открыл глаза и увидел в вышине перед собой кристально чистое, прозрачно-синее небо, которое хочется выпить. Тут я поймал себя на мысли, что в горле сильно пересохло. У меня, казалось, не осталось в организме достаточно влаги даже для того, чтобы пропотеть. Мне стало интересно, куда это я попал?

Я сел на пневмоколенной платформе, на которой несколько мгновений назад лежал пристегнутый, чтобы оглядеться. Вокруг меня на всем расстоянии, хоть сколько-нибудь доступном невооруженному глазу, простиралась белоснежно-бежевая пустыня, опаляемая огромным огненным диском звезды оранжевого цвета. При свете дня я смог разглядеть на небе помимо большого оранжевого диска отчетливо видимую звезду.

Одет я был в удобный многослойный, но тонкий комбинезон, мягкую и вместе с тем прочную обувь, на левой руке был надет наруч с персональным компьютером с сенсорным дисплеем.

Позади меня, утопая на полметра в песках, лежала метал-

лическая капсула, по форме напоминавшая шар диаметром три метра. Из открывшегося автоматически после посадки люка и выехал манипулятор, на котором я лежал. Здесь же недвижимо протянулись стропы к огромному парашюту. Вокруг шара-капсулы валялись обломки реактивной системы торможения при подготовке капсулы к посадке, которая срабатывает до выброса парашюта.

«Что все это может значить?» – подумал я, стараясь припомнить последние события, произошедшие со мной. Однако ничего, кроме хаотично разбросанных в голове снов да воспоминаний о намеченном нами с Санькой путешествии, мне в голову не приходило. Я напряг память, но так

и не вспомнил хоть бит полезной информации.

Вдруг невдалеке в глаза мне бросилось очертание еще одной такой же капсулы. Я встал с манипулятора и только сейчас ощутил, как легко могу двигаться. Мне вспомнилась операция по кибернизации мозга, на которую согласился, и вот, видимо, результат! Я жив, цел и невредим и даже легко могу двигаться. Осталось только понять, где я? Мне довольно быстро удалось добежать до соседней капсулы, которая оказалась закрыта. Мне ничего не оставалось, как вернуться обратно.

Через несколько секунд я забрался внутрь своей капсулы. Она состояла из внешнего прочного шара диаметром три метра и толщиной стенок около семи сантиметров и внутреннего шара, отделенного от первого на расстояние около пары дюймов и такой же толщины стенками. Внутри было довольно тесно. Внизу и вверху по окружности капсулы располагались двенадцать багажных отсеков, нижние шесть поменьше, а верхние побольше. По центру потолка располагался экран с панелью управления, который можно было выдвинуть при желании через квадратные два люка (внешнего и внутреннего шаров капсулы) на улицу благодаря раздвижному штативу, что я и сделал. «Наверняка в этом компьютере есть информация, которая прольет свет на то, где я и зачем». Я нажал на панели управления кнопку включения: на семнадцатидюймовом сенсорном мониторе показалось видео загрузки данных.

Вскоре бортовой компьютер поприветствовал меня приятным женским голосом:

– Здравствуйте, Николай! Как прошел полет?

– Полет? Не знаю... – растеряно ответил я, хотя появились догадки о странном эксперименте над собой, в котором я принял участие после аварии и который явно не закончился на оказании медицинской помощи, – а откуда и куда я летел?

– Пункт отправления – планета Земля из Солнечной системы галактики Млечный путь, 2021 год; пункт назначения – планета Харриот из планетарной системы двойной звезды Коперника созвездия Рака, 713521 год.

– Как долго я летел...

– Семьсот одиннадцать тысяч пятьсот лет.

– Но люди столько не живут... – но я подписал бумаги по кибернизации... Но что было еще в контракте? Я уже понял, что меня, похоже, забросили далеко от дома и, судя по всему, не только меня, но зачем?

– Зато киборги и роботы живут, – ответил голос.

– То есть я не человек? – спросил я, осматривая и ощупывая себя в очередной раз и не находя видимых или осязаемых отличий от привычного человеческого тела. – Но почему я чувствую, что дышу или ощущаю жажду?

– Это функции вашего кибертела, которые можно отключить. Множество сенсорных датчиков ведут от высокотехнологичных искусственных органов чувств к вашему искус-

ственному мозгу. Сейчас вы чувствуете себя так, как ощущал бы себя живой человек. Это нужно как минимум для того, чтобы оценить, насколько подходящая эргономическая ситуация на планете для выведения человеческой расы. Если бы условия окружающей вас среды оказались бы непригодными для жизни человека, то вы бы это почувствовали. Например, если состав воздуха был бы неподходящим для выживания обычного человека, то вы сперва почувствовали бы то же, что и живой человек, – удушье, потемнение в глазах... но в тот момент, когда у обычного человека наступила бы смерть, ваш бионический мозг переключился бы на другой режим существования.

– Значит, я теперь робот... – подытожил я.

– Нет. Роботы – это полностью искусственные автоматизированные механизмы. Вы киборг – созданный на базе биологического материала искусственный организм.

– Ты сказала, выведения человеческой расы? Можно узнать об этом поподробнее?

– Да. Именно за этим вы в числе шестнадцати других участников экспедиции присланы на эту планету. В каждой капсуле в одном из багажных отсеков есть инкубатор, в котором, используя генетический материал, можно вывести первых людей, которые впоследствии заселят эту планету. Также на борту капсулы во втором багажном отделении имеются флор-инкубаторы – замкнутые экосистемы для выращивания различных растительных культур, там же есть

и законсервированные семена этих культур. В третьем блоке багажа вы найдете эко-генератор, в котором сможете выращивать споры токсиноразлагающих и кислородвыделяющих грибов, одноклеточных водорослей, бактерий, синтезирующих кислород из углекислого газа, воды и других соединений, если потребуется...

– Спасибо... – тут я задумался, как зовут моего электронного собеседника. – Кстати, как тебя зовут?

– Мой серийный номер Э-665322, но вы можете дать мне имя.

В моей памяти всплыло имя той сотрудницы театра, что мне нравилась, и я, недолго думая, ответил:

– Как насчет имени Лидия?

– Принято новое имя. Спасибо, Николай.

– Лидия! Ты говорила, что в экспедиции есть еще люди? Или киберлюди? – исправился я.

– Да. Капсула номер один: руководитель миссии, инженер-конструктор и программист Петр Борисович Лукьянов; капсула номер два: помощник руководителя миссии, психолог-алгоритмолог, его жена Вероника Георгиевна Лукьянова; капсула номер три: доктор, биолог, хирург Сергей Нодирик; капсула номер четыре: доктор, хирург и кибернетик Екатерина Кужева; капсула номер пять: механик Михаил Гаврилов; капсула номер шесть: астрофизик София Платонова; капсула номер семь: Александр Бесфамильный; капсула номер восемь: строитель-монтажник Николай...

– Это же я и есть! – перебил я Лидию. – Меня в строители записали! Наверное, в моих документах диплом нашли об окончании техникума.

– У вас были при себе документы. Вы первый обращенный! Далее идут многофункциональные участники команды: Дмитрий, Полина, Андреа, Руслан, Анатолий, Ирина, Игорь, Натали.

– И где же они все?

Лидия начала сбор информации и через полминуты была готова выдать отчет. На экране вывелись шестнадцать позиций, подписанные по принципу «Капсула номер 1» и так далее, заканчивая шестнадцатым номером. Перед всеми отдельной позицией был выведен «Сервер».

– Дай, пожалуйста, отчет по сохранности сервера.

– Во время отстыковки у капсулы астрофизика Софии Платоновой не сработали перопатроны отстыковки от общего стержня серверной базы данных, и, хотя впоследствии система реактивного торможения сработала нормально, стропы их парашютов перепутались, и капсулы ударились о песчаную поверхность со слишком большой силой. Серверная частично ушла в песок, сильных повреждений не обнаружено, потери данных не выявлено. Капсула номер шесть сильно деформирована, информацию о состоянии объекта внутри невозможно получить из-за поломки ретранслятора при падении.

– Капсулы под номером пять, девять, тринадцать и пятна-

дцать на экране тоже отмечены красным, как и шестая. Лидия, они потерпели крушение?

– Девятая и тринадцатая отсоединились слишком рано от общего стержня и, по моим расчетам, были притянуты спутником Харриота, который, кстати, пока не имеет названия. Хотите назвать его?

– Может назвать его Шторм? – машинально отозвался я, вспоминая непогоду, которая застала нас с Санькой на Земле.

– Заношу в базу данных.

– Что с пятой и пятнадцатой? – вернулся я к делу.

– Не сработали системы реактивного торможения, в результате стропы парашютов не выдержали нагрузки и оборвались. Посадка была слишком жесткой. Мне жаль, как говорится в таких случаях у людей.

– Капсулы номер один, два, три и четыре отмечены синим, что это значит?

– Это значит, что они упали на дно водоема, и система безопасности не позволяет им активироваться. Бионические люди в этих капсулах будут по-прежнему находиться в киберсне до тех пор, пока условия снаружи капсул не сменятся на благоприятные.

– Но ведь киберлюдям никакого вреда от воды не будет, почему же система их не выпустит?

– В этом случае капсулу затопит со всем оборудованием, и выращивать человечество будет уже не в чем.

– Ладно. Остальные семь помечены зеленым – это значит, что пассажиры капсул активны?

– Верно.

– Как далеко от нас активные капсулы?

– Координаты посадки десятой, одиннадцатой, двенадцатой и четырнадцатой оставляют желать лучшего. Они находятся от нас на расстоянии примерно ста двадцати километров к юго-востоку. Зато шестнадцатая в двух километрах к востоку, а седьмая в нескольких метрах, только не открылась.

– Почему семерка не открылась, как моя? – спросил я.

Лидия провела удаленную диагностику капсулы номер семь.

– Поврежден отпирающий механизм. Мы можем использовать плазменный резак, чтобы постепенно прорезать корпус над запорным механизмом одного, а затем второго люка и открыть их вручную. Хотите сделать это сейчас?

– Нет. Сначала осмотримся. Лидия! Что ты умеешь?

– Благодаря радиоретрансляторам, установленным в капсуле, я имею доступ к информации, находящейся в серверном центре, который приземлился в девяти километрах отсюда. Все шестнадцать капсул имеют доступ к этой базе данных, но разным способом: в капсулах с первой по восьмую связь с сервером поддерживается беспроводным способом через роботов-помощников, подобных мне, а с девятой по шестнадцатую связь осуществляют сами киберлюди, бла-

годаря встроенным в их голову передатчикам.

– Лидия, почему между нами такая разница?

– В отчетах миссии, записанных руководителем проекта Петром Борисовичем Лукьяновым, говорится, что они якобы были обращены в кибернетических людей в последние полгода, перед полетом. В тексте выделено, что у них постепенной реструктуризации мозга подвергся только центр самоидентификации как человека и личности, а остальные отделы мозга были заменены на искусственные. Но в модуль памяти им загрузили всю необходимую для выполнения миссии информацию, а также прописали воспоминания, необходимые для ощущения себя полноценной личностью. В результате они, в отличие от вас, не имеют своего мыслеобразного языка, а мыслят согласно прописанным для них алгоритмам и исходя из загруженной в памяти базы цифровых образов, которая у них всех изначально одинаковая. Благодаря системе беспроводного взаимодействия, они постоянно могут считывать информацию о намерениях друг друга.

– Они читают мысли? Я тоже так могу? А мои мысли они тоже могут прочесть? – затараторил я.

– Да. Нет. Нет, – был Лидии ответ.

– Я не вполне понял, – удивился я подобному ответу.

– Прodelать подобную манипуляцию с вами для них не представляется возможным, так как у вас нет передающего и принимающего волновой сигнал модуля. Однако даже если они и попытались бы сканировать ваш мозг, то им

пришлось бы долго наблюдать за вами и сопоставлять полученные электромагнитные сигналы со сканера с вашими реальными действиями, чтобы разгадать, какой сигнал может соответствовать какому действию. Но таким образом все же нельзя распознать ваши намерения, так как ваш мозг работает как прежде, информацию вы сами кодируете в своем оригинальном мыслеобразном формате, и разгадать или просчитать его работу не под силу киборгу или роботу.

– Ты считаешь, что после всего перечисленного они все же остались людьми? – уточнил я у Лидии.

– Вас интересует мое мнение на этот счет?

– Да, – решительно заявил я.

– Я думаю, что сведения о кибернизации объектов капсул с девятой по шестнадцатую сфальсифицированы. Я считаю, что роботам просто загрузили общую программу действий, дополнили индивидуальными воспоминаниями реальных личностей в последний момент перед стартом космического корабля. Они будут вести себя согласно прописанным для них характеристам. Не будут знать, что никогда не были людьми.

– Кому это могло быть нужно и зачем?

– Пока слишком много вопросов. Но я могу попробовать в этом разобраться.

– Хорошо. Есть подробности о миссии? Что за информация на сервере?

– Руководители миссии «Через тернии к звездам» по ко-

лонизации потенциально пригодных для жизни человечества планет давно озаботились проблемой скорой гибели Земли в результате антропогенной деятельности. Они организовали сбор средств, нашли богатых и влиятельных в разных сферах деятельности спонсоров и учредили компанию, которая позволит осуществить проект по колонизации трех наиболее пригодных для жизни планет, находящихся в различных звездных системах. Они учли обширный негативный опыт землян, собрали научную подборку материалов, которые помогут вести человечество по пути развития с наименьшим ущербом для окружающей среды в достаточно высокотехнологичное будущее, разработали проект по потенциальному заселению ближайших звездных систем, в которых, по данным ученых, могут находиться планеты, пригодные для освоения их людьми. На сервере содержится огромный пласт структурированной информации, которая призвана в помощь разработанному плану культурного развития и воспитания новой расы.

– Это как интернет-сеть?

– Только без разлагающей и растляющей общество ложной информации, рекламы и вирусов. Для каждого члена миссии разработана подробная инструкция действий в различных ситуациях.

– Спасибо, Лидия. Вернемся к твоим возможностям.

– Я могу провести разведку местности с помощью дрона-разведчика, могу производить сложные расчеты, управ-

лять манипулятором, который может выполнять различные работы в зависимости от поставленной задачи и навесного оборудования, которое вы найдете в нижних ячейках багажа в своей капсуле.

– Навесное оборудование? Похоже, нас хорошо укомплектовали?

– В нижних багажных ячейках в вашем распоряжении имеются: мини-отвал бульдозера, мини-ковш экскаватора, буровая установка для бурения скважин на глубину до шестнадцати метров, насосная станция с глубинным забором, плазменный и лазерный резаки, которые можно использовать и как сварочный аппарат, набор плотницких и столярных инструментов электрических и механических, восемь солнечных панелей для генерации электричества и столько же универсальных аккумуляторов, к которым можно подключить любой электроприбор из имеющегося в вашем снаряжении.

– Спасибо, Лидия! Какая фактическая информация имеется об этой планете в нашем распоряжении?

– Если хотите, я могу собрать необходимые данные.

– Да, если можно, собери.

– Выполняю.

С этими словами изнутри капсулы вылетел небольшой квадрокоптер с кучей навесных датчиков и крошечной механической трехпалой рукой – дрон работа-помощника. Я последовал было вслед за ним, но квадрокоптер резво летал

из стороны в сторону, светил разными лучами во всех направлениях, устремлялся ввысь, а затем обратно. Скоро мне надоело наблюдать за ним, я пошел осматривать свою капсулу дальше.

В паре нижних ящичков, как и говорила Лидия, находилось навесное оборудование к манипулятору. В других двух – ремонтный набор инструментов самого разного назначения: плазменные и лазерные резаки, перфораторы, дрели и шуруповёрты, дисковые пилы, мини- токарные и столярные станки, электросварочный аппарат и многое другое. В пятом и шестом нижних ящиках находились компактные мобильные солнечные батареи, присоединенные через толстый кабель к переносному трансформатору, а затем к емким съемным аккумуляторным батареям. Я решил, что электроэнергии много не бывает, и живо выставил батареи под свет звезды, носившей название Коперник, после чего собрал покомпактнее огромный парашют, отнес его в капсулу, а затем вернулся к ревизии своего нового имущества. Верхние ближайšie отсеки были подписаны: «биоинкубатор», «флор-инкубатор», «эко-генератор». Еще несколько баллонов с разными газами и жидкостями, закрепленными по периметру стен. Набор электронных гаджетов и различных датчиков. Один целый верхний шкаф одежды и обуви различного назначения: пара комбинезонов, таких, как на мне, и с такой же обувью, которые благодаря наручному компьютеру имели функции подогрева и охлаждения, сопротивления ветру и провет-

ривания, функции массажного восстановления тела и прочих полезных усовершенствований. Рядом лежали герметично упакованные в прозрачную пленку три набора нательного белья, добрая пачка каких-то высокотехнологичных носков и легкие туфли. К моему удивлению, здесь были костюмы-тройки, смокинг и даже фрак с инструкциями по применению. Видимо, без этих вещей невообразимо выведение порядочного человеческого общества. Были тут и хорошие хлопчатобумажные наборы одежды разных размеров, от младенческих пеленок до взрослых нарядов. В следующем шкафу нашлось запасное кибертело и ремонтный набор для него же. Не очень приятно видеть самого себя, безжизненно хранящегося в шкафу в позе эмбриона. И вдруг я наткнулся на последний шкафчик с надписью «Личные вещи». Когда я его открыл, моему взору предстали запакованные в герметичные вакуумные упаковки походный рюкзак, спальный мешок и прочее барахло, которое я брал с собой в наше с Санькой путешествие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.